

в создании хорошо законспирированной дисциплинированной организации. Не теряя времени на пропаганду, она должна захватить власть. После этого, проповедовал П. А. Ткачёв, революционная организация подавляет и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все учреждения, которые противодействуют целям революции, и создаёт новую государственность.

В противоположность бакунистам П. А. Ткачёв считал, что и после победы революции сохраняется сильное, централизованное государство. С конца 1870-х гг. идеи П. А. Ткачёва стали одерживать верх среди народников. Однако в 1882 г. у него началось душевное расстройство, и через три года он умер.

Следует отметить, что идеи, которые пропагандировались П. А. Лавровым и, особенно, М. А. Бакуниним, способствовали развитию революционного движения в России и оказывали влияние на тактику политической борьбы.

Однако самое значительное влияние на использование в России экстремистских приёмов и методов в ходе политической борьбы, несомненно, оказали социально-политические противоречия, которые в переходный период, в период смены общественно-экономической формации достигли необычной остроты. На применение терроризма и других форм политического экстремизма большое влияние также имели уровень политического сознания масс и особенно революционно настроенной интеллигенции, целая серия войн, в которые вовлекалась царская Россия, политика государственного экстремизма по отношению к своему народу. Эти и другие факторы способствовали возникновению таких организаций, как «Народная воля», «Земля и воля», видевших в экстремизме один из основных методов борьбы с существующим строем.

Заключение. Политический экстремизм является составной частью политической борьбы. Нередко он осуществляется антиконституционно, с нарушением международного и внутреннего законодательства в целях захвата или сохранения политической, государственной власти. Его использование в политической борьбе в качестве метода придаёт ей необычно острый и крайне напряжённый характер, в результате чего в обществе происходит взрыв. Реальной угрозой становится развязывание гражданской войны.

Применение в ходе политической борьбы методов насилия, в том числе со стороны государства, усугубляет сложившиеся противоречия, мешает выходу из состояния глубокого кризиса, приводит к острым конфликтам и многочисленным жертвам.

УДК 94(470)(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет», Минск

ДОСТИЖЕНИЯ И УТРАТЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛАРУСИ

Введение. События Февральской революции 1917 г. в Беларуси с разной степени объективности и полноты освещены в трудах её современников (Б. Бреслав, А. Бурбис, Д. Жилунович, В. Кнорин и др.) и отечественных партийно-советских историков (В. Ивашин, И. Игнатенко, В. Круталевич, Н. Шашкевич и др.). Как правило, в центре их внимания находилась тема борьбы большевиков за власть. В значительно меньшей степени в работах представлены процесс формирования новой политической системы, позитивная деятельность в этом органов Временного правительства и политических партий, отношение населения к Учредительному собранию и многое другое, что не вписывалось в ленинскую концепцию социалистической революции. Между тем, специальное рассмотрение этих аспектов позволит выяснить значимость Февральской революции для Беларуси с момента крушения самодержавия и до Октябрьского переворота.

Основная часть. Победа вооружённого восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г. привела к крушению авторитарной системы в Российской империи. В числе последних актов царствования Николая II стал его Указ от 2 марта о формировании нового кабинета министров во главе с Г. Е. Львовым. Данный властный орган, вобравший в себя высшие законодательные и исполнительские функции, был рассчитан на определённый срок, отсюда и его название — Временное правительство. Его министры видели своё предназначение не только в решении неотложных текущих задач, но в подготовке выборов Учредительного собрания с тем, чтобы передать в сферу его полномочий осуществление всех назревших политических, социально-экономических и других проблем государственного значения. Провозглашённая 3 марта Декларация Временного правительства положила начало реформационному обновлению государственного и общественного организма.

Известия о падении самодержавия и формировании нового правительства вызвали в стране мощный морально-политический подъём. С особым ликованием граждане приняли провозглашение демократических свобод, амнистию политическим заключённым, отмену смертной казни, роспуск жандармерии и полиции. По этому случаю в неоккупированных германскими войсками городах и местечках Северо-Западного края прошли торжественные мероприятия с участием всех слоёв населения и военнослужащих [1, с. 22—25].

Отречение Николая II освобождало всех военнослужащих от принесённой ему присяги, что позволило им с чистой совестью дать клятву на верность Временному правительству. Признание армией правительства явилось

определяющим фактором в установлении нового политического режима. Под руководством военного командования происходило создание в губернских, уездных и волостных центрах так называемых «комитетов общественной безопасности — временных органов власти по поддержанию порядка, которые действовали до лета 1917 г. [2]. Также с ведома командования вместо губернаторов и земских начальников высшие должности в губернских и уездных центрах передавались вновь назначенным комиссарам. Чуть позже вместо волостных управ прошло избрание волостных комитетов. Одновременно городские думы и земские собрания стали пополняться так называемым демократическим элементом, т. е. представителями трудящихся, профсоюзов, партий, а также Советов рабочих и солдатских депутатов. Полная демократизация городских органов самоуправления произошла в июле—августе, а земских — в сентябре—октябре 1917 г. [3].

Временное правительство в числе важнейших мероприятий, необходимых для укрепления строя, сочло необходимым избавить армию от рудиментов царской дисциплины, которая, помимо прочего, унижала достоинство рядовых воинов. Кроме того, опасаясь возможности использования вооружённых сил высшим командованием в контрреволюционных целях, военный министр А. Гучков отстранил от должности многих генералов, в том числе командующих Западным и Северным фронтами. Он же разрешил деятельность в войсках солдатских и офицерских комитетов, создаваемых для разрешения конфликтных ситуаций, улучшения быта, просвещения военнослужащих и т. д. Съезд рабочих и солдатских делегатов Западного фронта, состоявшийся в Минске 7—17 апреля 1917 г., свёл все солдатско-офицерские организации под начало Исполнительного комитета (Искомзап). В результате здесь обосновался крупный центр революционной демократии Западного фронта и расположенных в Беларуси гарнизонов. Завершающим аккордом в деле укрепления армии в целях обороны революции, упрочения демократии и поддержки Временного правительства стал майский приказ военного министра А. Керенского о введении в действие «Декларации прав воина-гражданина» [4].

Революционные перемены в обществе актуализировали земельный вопрос. С учётом того, что основная масса военнослужащих была мобилизована из деревни, от его решения в значительной мере зависело морально-политическое состояние всех вооружённых сил. Поэтому Временное правительство в целях подготовки к аграрной реформе, возложенной на Учредительное собрание, приступило к созданию земельных комитетов. Их важнейшей функцией являлось также предотвращение крестьянских захватных выступлений. Значительную часть этой же работы взяли на себя продовольственные комитеты, созданные для обеспечения «хлебной монополии», и Советы крестьянских депутатов. Летом 1917 г. всем названным структурам, возглавляемым (в своём большинстве) эсерами, удалось пресечь несанкционированное разделение помещичьих угодий и лесов. Белорусские организации не смогли привлечь крестьянство к совместной работе по реализации классовых и национальных интересов, поэтому оно оставалось в русле эсеровской политики.

Для других народов России именно этот аспект (реализация национальных интересов) стал важным направлением деятельности и стимулом в развитии революции. Определяющим для евреев фактором в этом процессе стало осуществление в марте 1917 г. постановлений Временного правительства о ликвидации национального и религиозного неравенства, а также моральная поддержка всего российского общества [5]. Одним из первых результатов преодоления порочной политики царизма в отношении евреев стало полное исчезновение публичного антисемитизма. Сам «еврейский вопрос» стал сферой деятельности исключительно еврейской диаспоры. Другое дело, что каждая из еврейских организаций — от сионистов до бундовцев — по-своему оценивала его содержание. Вместе с тем еврейское население, как и всё остальное, в составе отдельных организаций или вне их имело возможность влиять на формирование властных структур и участвовать в работе общественно-политических организаций. Высокая общественно-политическая активность евреев позитивно отразилась на составе партий, городских Советов, самоуправлений, профессиональных союзов [6].

Национальное движение поляков за возрождение собственной государственности было поддержано Временным правительством и общественностью всей России [7]. Несмотря на существование в белорусских городах польских социалистических организаций, их влияние на соотечественников не было определяющим. Основная масса поляков при участии костёла сплотилась вокруг национальных рад, которые тесно контактировали с Главным польским военным комитетом (Начполь), и в то же время следовали принципу невмешательства в общероссийские дела. В целях создания вооружённых сил будущей Польши на Западном фронте стали формироваться части I Польского корпуса во главе с генералом И. Довбор-Мусницким [8].

В отличие от евреев и поляков, движение белорусов за свои национальные идеалы не получило должной поддержки ни со стороны государства, ни общественности. Благодаря кипучей деятельности революционной демократии прежнее название белорусских губерний «Северо-Западный край» уступило место «Западной области», но название «Белоруссия», равно как и «белорусы», не получило распространения. По-прежнему подавляющее большинство сельского населения называло свою национальность в зависимости от вероисповедания (католик — поляк, православный — русский). Члены Белорусской социалистической громады (далее — БСГ), которые восстановили свою деятельность в Минске, Бобруйске и за пределами Беларуси, призвали к сотрудничеству всех соотечественников, заинтересованных в осуществлении национальных лозунгов, в первую очередь — в приобретении автономии и белорусской школы. О зрелости национальных лозунгов говорил инициатор создания отдела партии народной свободы (ПНС) в Минске В. Самойло. Председатель фронтового комитета Всероссийского земского союза В. Вырубов отмечал целесообразность введения в белорусских губерниях областного управления. Но стоило организаторам белорусского съезда поставить в повестку дня вопрос о национальном самоопределении, как он встретил критику со стороны власти (в лице заместителя губернского комиссара И. Метлина) и деятелей революционной демократии (С. Ковалика, М. Фрунзе и др.). Основная причина их недовольства заключалась в том,

что требование съезда лозунга автономии не имеет поддержки широких народных масс и является несвоевременным и вредным для развития революции. В дальнейшем немалые трудности белорусскому движению приносила ошибочная тактика лидеров БСГ, её неспособность к компромиссам, предпочтение классовых лозунгов в ущерб национальным, увлечение работой в среде беженцев вне Беларуси, внутрипартийная борьба и многое другое [9]. Сильные нападки на белорусские организации имели место со стороны крестьянских Советов, а также Союза белорусской демократии (Гомель) и Белорусского народного союза (Витебск) [10]. Тем не менее, Центральная рада белорусских организаций, руководимая БСГ, не теряла надежд на признание российской общественностью прав белорусов на национальную автономию и продолжала за это бороться.

Новым явлением для городов и местечек Беларуси стало создание и развитие системы общественно-политических объединений трудящихся, народной интеллигенции, а также военнослужащих. Важнейшим стимулом их активности стало стремление поддержать центральную и местную власть, предотвратить вспышки насилия и объединить сознательных граждан против возможных контрреволюционных выступлений. В дальнейшем, рассматривая себя органами революционной демократии, они направляли свою основную энергию на поддержку политики Петроградского, а с мая—июня 1917 г. исполкомов Всероссийских советов. Несмотря на то, что Советы являлись одним из источников формирования органов власти на местах, они не предъявили претензий к власти. Общность задач, которые стояли перед ними в деле закрепления завоеваний революции, способствовала сближению и объединению их в единые уездные (Бобруйск, Гомель, Мозырь, Орша) и даже губернский (Витебск) Советы. Рабоче-солдатским и крестьянским Советам в своём большинстве удалось сохранить в трудовой массе и среди гарнизонной военной определяющее, по сравнению с другими организациями, влияние. Наибольших успехов в этом достигли лидеры революционной демократии Могилёвщины [11].

Рабочие организации — профсоюзы и фабрично-заводские комитеты (ФЗК), созданные в первую очередь для защиты интересов трудящихся, хотя прямо и не выдвигали политических требований, но также участвовали в их реализации. Следует отметить, что рабочие стремились отстаивать свои экономические интересы путём компромисса и лишь в крайних случаях использовали забастовки. В целом, рабочее движение находилось под контролем его партийных, профессиональных и советских органов [12].

Существенным завоеванием Февральской революции явилась многопартийная система, в том числе и в белорусских губерниях. В силу прифронтового расположения и особой этносоциальной структуры местного населения роль каждой из партийных организаций была неодинаковой. Так, рабочие и служащие расположенных здесь учреждений по обслуживанию фронта, а также военнослужащие составляли основной источник пополнения социал-демократов — Российской социал-демократической рабочей партии (далее — РСДРП), партии социалистов-революционеров (далее — ПСР) и партии народной свободы (далее — ПНС). Заметную роль в партийной жизни играли также бундовцы, сионисты, социалисты-сионисты, поалейционисты, а также белорусские, польские, латышские и другие социалисты.

На первом этапе развития революции, в марте — первой половине апреля 1917 г., на волне всенародного подъёма сильного идейного противостояния между партийными организациями не наблюдалось. Партийное сотрудничество имело место в РСДРП, местные члены которой долгое время находились в составе объединённых организаций (Минск, Могилёв, Витебск, Рогачёв). Деятельность большевиков как «партии революционного пролетариата», по существу, проходила в солдатской среде, а их влияние на тот же пролетариат по причине его малочисленности и подконтрольности Бунду было незначительным. Не случайно посылаемые из Минска в Витебск номера газеты «Звезда» в городе не распространялись, а направлялись прямо на Северный фронт. Близкой к РСДРП по формам и содержанию партийной деятельности являлась ПСР, которая стремилась объединить трудящихся города и села, а также народную интеллигенцию. Партия эсеров оказывала определяющее влияние на белорусское крестьянство, имела высокий авторитет среди военных (Бобруйск, Могилёв, Минск, Орша, Полоцк), а также рабочих (Витебск, Гомель, Мозырь). К осени эсеры прочно закрепились в Советах, военных комитетах, думах, земствах, земельных комитетах и в ряде профессиональных союзов. Неизменная преданность трудовой народно-социалистической партии (далее — ТНСП) идеям коалиции и оборончества обеспечила им правые позиции в лагере социалистов, но необходимой поддержки со стороны местного населения она не приобрела.

Революционная демократия считала буржуазию во главе с ПНС своим классовым и идейным антиподом. В то время, когда подавляющая масса населения (из той её части, кто интересовался политикой) оказалась в русле влияния социалистических идей, направленных на удовлетворение классовых интересов, кадетская программа построения нового общества в интересах каждого и всех на основе верховенства права и обеспечения свобод имела шансы на поддержку, в первую очередь части жителей и военнослужащих с прочным чувством гражданственности, имеющих сравнительно высокий уровень интеллектуального развития, весомый общественный статус и значительный объём собственности. Не случайно поэтому партийные отделы кадетов в первую очередь составляли земские и военные чиновники, юристы, налоговые служащие, предприниматели, финансисты, священники, высшее офицерство и др. Даже часть крестьян, в своей массе отрубники и хуторяне, выказывали заинтересованность к кадетской аграрной программе. Но, несмотря на открытость ПНС, пополнение и расширение её организаций происходило сравнительно медленно, а сама их деятельность сопровождалась острой критикой со стороны революционной демократии. В целом все существовавшие в Беларуси партийные организации (за исключением большевиков), брали курс на закрепление новой политической системы с тем, чтобы с помощью парламента усовершенствовать её с учётом интересов всех слоёв населения. Примечательно и то, что в Беларуси даже в дни корниловщины не оказалось ни одной контрреволюционной организации.

Местные партийные организации в своей практической деятельности почти не затрагивали национального вопроса, ограничиваясь резолюциями с признанием права наций на самоопределение (РСДРП), право наций

на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства (РСДРП(б)), право национальной автономии в составе федеративной Российской республики (ПСР и ТНСП), за единую Российскую республику (ПНС). Примечательно также, что эта проблема затрагивалась ими в связи с национальным движением украинцев, финнов, татар, но никак не белорусов. Единственными организациями, которые солидаризировались с национальными требованиями последних, были украинские социалисты и деятели польских рад. В целом же присутствие белорусских представителей во властных (комиссариаты, думы, земства), общественно-политических (Советы, общественные комитеты, профсоюзы и др.) значительно уступало представителям польской и еврейской диаспор. Белорусские организации (Беларускі нацыянальны камітэт (БНК), Цэнтральная рада беларускіх арганізацый (ЦРБА)) и партии не пользовались авторитетом ни в правительственных кругах, ни в среде революционной демократии. Как правило, их деятельность проходила изолированно от последней. Несмотря на определённые успехи отдельных организаций, само движение ещё не впитало в себя той массы народа, чтобы можно было преодолеть национальный и политический застой и вместе с другими народами осуществлять право на самоопределение.

В вопросе о форме национального самоопределения белорусов революционная демократия встала на позицию о целесообразности объединения территорий их проживания в самоуправляемую область, а не выделения белорусских губерний в национальную автономию во главе с Краёвой радой в составе Российской федеративной республики. Такое, сложившееся к октябрю, положение вещей было обусловлено господствовавшим в российском обществе представлением о белорусах как западном ответвлении народа русского, а посему якобы не имеющих оснований претендовать на собственную государственность. В отличие от евреев и поляков, которые всемерно использовали установившийся демократический режим в своих национальных интересах, белорусы в этом плане всё ещё заметно отставали от них. В числе иных причин, тормозивших этот процесс, следует назвать низкий уровень национального и политического развития белорусского крестьянства, классовые предпочтения лидеров БСГ, а также сильную антибелорусскую агитацию со стороны эсеров и большевиков. Определённые сдвиги к лучшему обнаружили только осенью, когда белорусские лозунги были вынесены для обсуждения общероссийской общественности, а также после того, как началось создание фронтовых белорусских организаций.

С обретением демократических прав и свобод все граждане и военнослужащие приобрели реальные возможности формировать органы власти и участвовать в их работе. Известно также, что состав органов Временного правительства на местах в течение своего существования с марта по октябрь 1917 г. не оставался неизменным. По мере политизации общественной жизни их состав значительно расширился за счёт представителей партий, Советов, общественных комитетов, национальных и других групп. Причём роль Советов в этом была если не главной, то очень значительной, о чём свидетельствуют, в частности, факты отстранения по их инициативе витебского и могилёвского губернских комиссаров, а также множества уездных. Что касается городских и земских самоуправлений, то уже летом—осенью после перевыборов они превратились в реальные всенародные органы местной власти, где преобладали представители социалистических партий.

Характерными чертами общественно-политической жизни в период с марта по октябрь 1917 г. являлись наличие идейного плюрализма, свобода слова, гласность, открытость в решения спорных вопросов, признание определяющего авторитета Учредительного собрания и т. д. Господство революционной демократии во всех сферах общественно-политической жизни Беларуси не препятствовало деятельности других слоёв населения — помещиков, священников, чиновников и др. В то же время заинтересованность крестьян политикой не выходила за пределы аграрной проблемы. Такими же экономическими, но никак не политическими, соображениями руководствовались те из них, кто стремился укрепить своё хозяйство за счёт помещичьего имущества. Эсеровским руководителям крестьянских Советов едва хватало средств, чтобы удерживать своих братьев по классу от захватных действий. По мере созревания нового урожая, активизации земельных комитетов и под воздействием большевистской агитации эти настроения в деревне всё больше усиливались (в основном в среде хозяев с общинной формой землепользования).

С момента прихода Временного правительства к власти его курс на подготовку к Учредительному собранию получил всенародную поддержку, но в силу причин выборы в него откладывались [13]. В этой связи вся ответственность за непрекращавшуюся войну, нерешённые аграрный, продовольственный, рабочий, национальный и другие вопросы не всегда правомерно возлагалась на правительство. В частности, недальновидная политика Временного правительства продолжения войны до заключения демократического мира не достигла цели, а санкционированная ею демократизация вооружённых сил привела к упадку их боеспособности. Армия стала утрачивать те качества, на которые рассчитывала революционная демократия. Так, наделённые свободами и правами рядовых граждан солдаты переставали подчиняться командирам, отдавая предпочтение своим комитетам. В результате командование стало утрачивать контроль над подчинёнными, а в армии усилились анархические процессы: невыполнение боевых приказов, братания, дезертирство, насилие в отношении офицеров и т. д. [14]. Мероприятия Временного правительства, направленные на укрепление дисциплины, в том числе и введение смертной казни за воинские преступления, вызвали острые протестные настроения солдат. В армии усилились лозунги свержения правительства. Из опоры ему она стала постепенно превращаться в его противника [15]. Желание воевать за освобождение страны от германской оккупации выказывали только белорусские организации, но формирование ими национальных частей началось только в 20-х числах октября.

Летом эсеры, возглавившие Министерство земледелия и земельные комитеты, форсировали процесс учёта государственной и частной собственности и распоряжения ею, чем в ряде мест вызвали организованный её захват крестьянами отдельных деревень. В свою очередь и большевики усилили агитационную работу в деревне с призывом конфискации земель до созыва Учредительного собрания. Тем самым социально-экономическая обстановка в стране, в том числе и в Беларуси, ещё более ухудшилась.

Проекты Временного правительства по разрешению продовольственной проблемы также оказались под угрозой, причём, главным образом, по его же вине. Дело в том, что объявленная им «хлебная монополия» поддерживалась крестьянами до того времени, пока на продукты питания и фураж сохранялась их стабильная стоимость. Но как только правительство повысило на них цены, крестьяне стали придерживать хлеб, картофель, фрукты, сено и другие продукты нового урожая в целях их продажи с максимальной для себя выгодой. Их коммерческие расчёты подкреплялись резким ухудшением централизованного, из хлебных губерний России и Украины, снабжения населения Беларуси и окопников Западного фронта. Характерно также, что рост антивоенных настроений на фронте и в тылу стал отрицательно сказываться на крестьянских объёмах поставок продовольствия и фуража интендантским службам. Вместе с тем начавшийся процесс разложения действующей армии сопровождался ростом спроса солдат на алкогольные напитки, производимые крестьянами. Как отмечалось в октябре 1917 г. на совещании работников продовольственных комитетов, Минская губерния «превратилась в один огромный винокурный завод, снабжающий водкой-самогонкой, главным образом, фронт» [16]. Как следствие провала «хлебной монополии» и возросшего дефицита продуктов, в Беларуси участились случаи погромов солдатами помещичьих имений.

Объективно усиление антивоенных настроений на фронте и в тылу, угроза голода и обострение внутриполитической борьбы в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание способствовали росту авторитета большевистской партии, которая связывала решение всех проблем со свержением Временного правительства и передачей власти Советам. Но основная масса Советов Беларуси, исключая Гомельский, Минский и Речицкий, этот лозунг не разделяла, считая носителями власти демократически избранные городские и земские самоуправления. Таким образом, объективно большевики представляли собой угрозу завоеваниям революции. Не случайно гомельские и витебские социалисты называли корниловский мятеж «большевизмом справа» [17]. Но парадокс заключался в том, что, с одной стороны, большевистские лидеры не имели реальных шансов получить власть демократическим путём, с другой — послефевральский режим не создавал им существенных препятствий для достижения своих целей насильственными средствами, через вооружённое восстание. Только в Беларуси и на Западном фронте численность членов и сочувствующих большевистской партии превысила 56 тыс. человек, в своём подавляющем большинстве военнослужащих [18].

Вместе с тем общее осложнение военно-политического и социально-экономического положения в Беларуси никоим образом не свидетельствовало о настроениях её населения решить все назревшие проблемы путём новой революции. Существовавшая в белорусских губерниях система власти Временного правительства в совокупности с органами самоуправления, Советами, солдатскими комитетами и другими общественными объединениями представляла собой достаточно сильный организм, способный обеспечить поддержку нормальной жизнедеятельности населения и военнослужащих. В сентябре министр-председатель А. Керенский провозгласил установление в бывшей Российской империи республиканского строя и объявил о подготовке к выборам в Учредительное собрание. Состав Временного правительства, его комиссариатов на местах, а также органов местного самоуправления по партийному признаку становился всё более социалистическим. Несмотря на частые смены кабинетов Временного правительства, оно оставалось символом победившей революции и ощущало поддержку революционной демократии. Достаточно сказать, что в Беларуси с марта по октябрь 1917 г. не произошло ни одного антиправительственного выступления [19].

В 20-х числах октября 1917 г. сильными дестабилизирующими положение в Беларуси факторами являлись столичные события, связанные с распространением известий о подготовке в Петрограде большевистского переворота. В ряде городов (Бобруйск, Витебск, Гомель, Речица) последнее обстоятельство вызвало серьёзное беспокойство у жителей по причине возможных погромов, и как следствие, активность революционной демократии по формированию комитетов общественной безопасности. Белорусские организации, отстранённые от властных и общественно-политических рычагов управления краем, были не в состоянии повлиять на дальнейший ход событий.

Заключение. Последствия Февральской революции для населения Беларуси, как и всей России, имели позитивный характер. Все граждане, в том числе и военнослужащие, получили равные демократические права, гарантировавшие реализацию их коренных социально-экономических, политических, национальных и других интересов путём осуществления реформ Учредительным собранием. Тому способствовали всенародная поддержка Временного правительства и его политики, создание местных органов власти и самоуправления, многопартийной системы, Советов, профсоюзов, фабрично-заводских и солдатских комитетов, демократизация армии, численное и идейное господство революционной демократии. Белорусы в числе других узников бывшей «тюрьмы народов» получили возможность развернуть работу по обретению своей государственности. Вместе с тем поступательное развитие революции, долженствовавшей закончиться созывом и деятельностью Учредительного собрания, затормозилось, главным образом, по причине нерешительной и недальновидной политики Временного правительства (затягивание выборов в Учредительное собрание; чрезмерная демократизация армии, приведшая к резкому упадку её боеспособности, провалу летнего наступления и дальнейшей большевизации; крах «хлебной монополии» и обострение продовольственной проблемы и др.), а также из-за чрезмерного увлечения общественностью реформистскими преобразованиями общества на фоне подготовки большевиками государственного переворота.

Список цитируемых источников

1. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 г.): у 2 ч. Ч. I. : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. Мінск : БДПУ, 2001. 200 с.
2. Там же. С. 113.
3. Там же. С. 126—129.
4. Там же. С. 75.

5. Там же. С. 42.
6. Сяменчык М. Я. Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця і рэцыдывы антысемітызму на Беларусі (вясна—восень 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2004. Вып. XII. С. 7—14.
7. Сяменчык М. Я. Нацыянальны рухі на Беларусі ў кантэксце фарміравання новай палітычнай сістэмы (сакавік—кастрычнік 1917 г.) // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы рэсп. навук. канф., 26 сак. 2004 г. : у 2 ч. Мінск, 2004. Ч. 1. С. 226—233.
8. Сяменчык М. Я. Польскія вайсковыя арганізацыі і фарміраванні на Беларусі ў 1917-1918 гг. // Праблемы айчыннай і сусветнай гісторыі (да 60-годдзя доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Міхнока) : матэрыялы навук. чытанняў, г. Брэст, 28 верасня 2007 г. ; Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. С. 139—150.
9. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.). С. 45, 166.
10. Там же. С. 113.
11. Там же. С. 126—129.
12. Там же. С. 75.
13. Сяменчык М. Я. Рэфармацыйныя і рэвалюцыйныя змены на Беларусі (сакавік—кастрычнік 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. V. История. Философия. Филология. 2012. № 5 (162). С. 41—45
14. Сяменчык М. Я. Наступальная кампанія рускай арміі 1917 года ў лесе Лютаўскай рэвалюцыі // Труды БГТУ. Сер. V. Философия, история, филология. 2011. № 5(143). Вып. XVIII. С. 33—36.
15. Сяменчык М. Я. Аб стане законнасці і правапарадку на Беларусі ў кантэксце рэвалюцыйнага абнаўлення расійскага грамадства ў сакавіку 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. 2008. Вып. XVI. С. 97—101.
16. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.). С. 172.
17. Там же. С. 113.
18. Семенчик Н. Е. Деятельность большевиков Беларуси в марте—октябре 1917 г. // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого в теории нового времени : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 5—6 дек. 2014 г. Екатеринбург. 2014. С. 141—143.
19. Семенчик Н. Е. Становление и крах революционной демократии в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. V. История. Философия. Филология. 2015. № 5 (169). С. 21—24.

УДК 940.5(476)

А. Г. Трубочык

Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», Мінск

АСНОЎНЫЯ КІРУНКІ І АСАБЛІВАСЦІ ДЗЕЙНАСЦІ ПЛЬСКАЙ ГРАМАДЗЯНСКАЙ АДМІНІСТРАЦЫІ НА БЕЛАРУСКАЙ ТЭРЫТОРЫІ Ў ЧАС ПЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ (1919—1921 ГГ.)

Уводзіны. Аб дзейнасці польскай грамадзянскай адміністрацыі на беларускай тэрыторыі ў 1919—1921 гг. сведчаць ліквідацыйныя рапартажы, якія з’яўляюцца найбольш каштоўнай крыніцай па вывучэнню дадзенага пытання. Аналіз рапартаў і справаздач польскай грамадзянскай адміністрацыі дазваляе сфарміраваць аб’ектыўную карціну тагачасных падзей, запоўніць некаторыя «белыя плямы», перагледзець спрэчныя пытанні, якія і сёння існуюць у айчыннай і польскай гістарыяграфіі. Ажыццяўленне палітыкі на беларускіх землях разыходзілася з кірункам, дэклараваным Ю. Пілсудскім. Сучасныя польскія даследчыкі тлумачаць гэта як вынік дзейнасці мясцовай адміністрацыі. Так, вядомы спецыяліст па пытаннях польскай палітыкі ў 1919—1921 гг. Ю. Гіероўска-Калаўр лічыць, што мясцовыя чыноўнікі мелі магчымасць праводзіць незалежную ад Варшавы палітыку ва ўсіх сферах грамадскага жыцця, што прадвызначыла адхіленне ад федэралісцкай лініі.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца вызначэнне асаблівасцей і асноўных накірункаў дзейнасці польскай грамадзянскай адміністрацыі на беларускіх землях у перыяд польска-савецкай вайны (1919—1921 гг.).

Асноўная частка. Пасля абвешчання адозвы Ю. Пілсудскага «Да жыхароў былога Вялікага княства Літоўскага» на тэрыторыі, занятай польскімі войскамі, было створана Грамадзянскае ўпраўленне Усходніх зямель (далей — ГУУЗ). Генеральны камісар быў адказны перад Галоўным камандаваннем, ажыццяўляў заканадаўчую і выканаўчую ўладу ва ўсіх сферах грамадскага жыцця (акрамя вайсковых спраў), назначаў і звальняў чыноўнікаў, кантраляваў бюджэт ГУУЗ, падатковую сістэму і інш. [1]. Генеральны камісарыят складаўся з чатырох секцый (агульных спраў, адміністрацыйнай, гаспадарчай, фінансавай), якія падзяляліся на 14 аддзелаў (агульны, юстыцыі, агітацыйны, адміністрацыйны, веравызнанняў і прэсы, аддзел кадрў, здароўя, асветы і культуры, дзяржаўных багаццяў, фінансаў, зямельны, рамяства і гандлю, эканамічны, кантралюючы аддзел).

28 мая Е. Асмалоўскі выдаў распараджэнне аб арганізацыі акруг і акруговых улад на «ўсходніх землях» [2]. У склад кіраўніцтва акруг, акрамя камісара, уваходзілі яго намеснік, а таксама група інспектараў. 7 чэрвеня былі ўтвораны Віленская і Брэсцкая акругі, 12 верасня — Мінская акруга [3].

З 10 кастрычніка акруговыя камісары былі перайменаваны ў начальнікаў акруг. 5 лістапада намеснік Генеральнага камісара Эдвард Івашкевіч выдаў распараджэнне аб утварэнні павеатаў і павятовай адміністрацыі. Павятовыя камісары пачалі называцца старастамі [4]. З гэтага часу дзейнасць Генеральнага камісарыята не кантралявалася з боку Галоўнага камандавання (канчаткова залежнасць ад вайсковых улад была скасавана пастановамі Сейма ад 25 лістапада і 19 снежня 1919 г.).